O.V.K — X.T.R

РИТОРИКА

ЧАСТИ, ДОВОДЫ И ПРИЁМЫ

УСТРОЙСТВО РЕЧИ И ПРЕДЕЛ УБЕЖДЕНИЯ

O.V.K — X.T.R

РИТОРИКА

ЧАСТИ, ДОВОДЫ И ПРИЁМЫ

Книга об устройстве речи, которая убеждает:
от сицилийских судов и Аристотеля к Цицерону и Кони,
о частях речи, родах доводов и мере украшения

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Риторика есть способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета».

— Аристотель, «Риторика», книга первая

Книга писана для того, кто говорит,
и для того, кто слушает и решает.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое риторика 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Сицилия, софисты и Сократ 5
V. Аристотель: три средства 6
VI. Цицерон и Квинтилиан 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем риторика не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧАСТИ

IX. Пять дел оратора 11
X. Вступление 12
XI. Изложение дела 13
XII. Положение и разделение 14
XIII. Доказательство 15
XIV. Опровержение 16
XV. Заключение 17
XVI. Три рода речей 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДОВОДЫ

XVII. Пример 20
XVIII. Энтимема 21
XIX. Общие места 22
XX. Свидетельство и авторитет 23
XXI. Довод от лица 24
XXII. Довод к чувству 25
XXIII. Мера и порядок доводов 26
XXIV. Довод ложный 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРИЁМЫ

XXV. Слог: ясность и уместность 29
XXVI. Фигуры 30
XXVII. Тропы 31
XXVIII. Период и ритм 32
XXIX. Вопрос и обращение 33
XXX. Память и произнесение 34
XXXI. Речь в суде 35
XXXII. Речь в собрании и в споре 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего риторика не может 38
XXXIV. Мнимые учения 39
XXXV. Риторика и правда 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена говорящего 42
XXXVIII. Правила составляющего речь 43
XXXIX. Правила слушающего речь 44
XL. Заключение: речь и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошло искусство убеждать, кто разложил его на части,
что взяли у греков Рим и Россия
и отчего речь убеждает не тем, чем кажется

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое риторика

✢

Риторикой зовётся ремесло речи, обращённой к решению: не всякой речи, а той, после которой слушающий должен что-то сделать, признать или отвергнуть.

Определение отделяет её от двух соседей. От *словесности* — ибо та обращена к чувству и памяти, а не к решению; от *логики* — ибо та обращена к истине и безразлична к слушающему. Риторика стоит между ними: она берёт у логики довод, у словесности — слог, и прибавляет своё — знание того, кто слушает.

Книга эта есть пара к книге об ошибках рассуждения. Там разобрано, как речь обманывает и как от этого защититься; здесь — как речь устроена, когда убеждает честно. Одно без другого неполно: кто знает уловки и не знает устройства, тот видит подвох всюду; кто знает устройство и не знает уловок, тот беззащитен.

Различим три вещи, кои в обиходе смешивают. **Части** — порядок, в котором речь строится. **Доводы** — то, чем она убеждает. **Приёмы** — то, чем она держит внимание и запоминается. Речь без частей рассыпается, без доводов пуста, без приёмов не слышна.

Оттого части книги таковы: вторая — части речи; третья — доводы; четвёртая — приёмы и речь в суде и собрании; пятая — границы, мнимые учения и правила для говорящего и слушающего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Греческое «риторика» происходит от «ретор» — говорящий в собрании; корень тот же, что в «речь», «реку». Риторика есть, по слову, наука о том, кто говорит перед людьми.

Латинское имя ремесла — eloquentia, «красноречие», и ars oratoria, «искусство оратора»; оратор — от orare, «говорить, просить, молиться». Русское «красноречие» есть перевод первого, «витийство» — старое слово о том же, ныне с оттенком пустоты.

Различим слова. *Речь* — всё сказанное. *Слово* — речь торжественная: «Слово о полку». *Довод* — то, что даёт основание. *Приём* — то, что даёт силу. *Убеждение* — перемена мнения по основанию; *внушение* — перемена без основания, о чём отдельная книга.

«Риторика» как хула — «это одна риторика» — означает речь, в которой приёмы заменили доводы. Употребление это старо: так говорил уже Платон. Оно верно как предостережение и неверно как определение.

Заметим наперёд, что в этой книге *риторика* означает устройство, а не оценку: устроена и речь честная, и речь дурная, и знать устройство надлежит обеим сторонам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✢

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же объясняют, отчего речь, верная по существу, не убеждает, а неверная убеждает.

Первое: речь обращена к решающему, а не к истине. Доказательство обращено к предмету и одинаково для всех; речь обращена к людям и различна для разных. Кто говорит перед судом, как перед учёным собранием, тот прав и проигрывает.

Второе: убеждают три средства, и все три нужны. Довод, доверие к говорящему и состояние слушающего — Аристотелевы логос, этос и пафос. Речь на одном доводе суха и не слушается; на одном доверии — пуста; на одном чувстве — обман. Об этом глава пятая.

Третье: речь имеет части, и порядок их не случаен. Слушающий узнаёт, о чём речь, прежде чем принять довод; принимает довод прежде, чем отвергнуть противный; и запоминает последнее. Порядок этот открыт две с половиной тысячи лет назад и не переменился, ибо не переменился слушающий.

Из трёх положений выводится и построение второй части, и главная ошибка, разобранная в главе тридцать четвёртой: считать, что довод убеждает сам, без лица и без чувства.

И заметим родство с книгой о внушении: там разобрано, как перемена мнения происходит без довода; здесь — как с доводом. Средства отчасти общие, и различие их — предмет главы тридцать пятой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Сицилия, софисты и Сократ

✢

Ремесло это родилось в суде, и место и год известны: Сиракузы, около 467 года до нашей эры.

Сицилия. После свержения тиранов граждане возвращали себе отнятые земли через суд, и всякий должен был говорить сам. Коракс и Тисий составили первые наставления: как устроить речь по частям и как доказывать вероятное, когда достоверного нет. Это первое, что назвали риторикой.

Софисты. Горгий, приехав в Афины в 427 году, показал речь как искусство: созвучия, антитезы, ритм. Протагор учил «делать слабый довод сильным» и брал за это плату. Они первыми поняли, что речь есть ремесло, которому учат; и первыми навлекли на ремесло подозрение, ибо учили ему безразлично к правде.

Сократ и Платон выступили против: в «Горгии» риторика названа не искусством, а сноровкой, как поварское дело — угождение без знания. В «Федре» Платон смягчился: риторика возможна, если оратор знает предмет и знает души слушающих.

Спор этот — ремесло убеждения против заботы об истине — не кончен и есть предмет главы тридцать пятой. Здесь довольно заметить: риторика началась с суда, где истина неизвестна, а решать надо; и это её природное место.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Аристотель: три средства

Аристотель в «Риторике» ответил Платону: ремесло убеждать есть искусство, если разобрать, чем именно убеждают. Он разобрал и нашёл три средства.

Логос — довод: то, что в самой речи доказывает или показывает. Пример и энтимема, о коих третья часть.

Этос — лицо говорящего, каким оно является *в речи*: разумность, честность, доброжелательность к слушающим. Не слава, принесённая с собою, а впечатление, созданное словами; Аристотель считал его едва ли не сильнейшим средством.

Пафос — состояние слушающих: гнев, страх, жалость, стыд. Не украшение, а условие: разгневанный судит иначе, чем спокойный, и оратор, не знающий этого, говорит впустую.

Из этого разбора следует всё дальнейшее. Речь, в которой есть лишь довод, есть трактат; лишь лицо — проповедь; лишь чувство — внушение. Убеждает соединение, и мера соединения меняется от суда к собранию, о чём глава шестнадцатая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Цицерон и Квинтилиан

Рим взял греческое учение и превратил его в школу: то, что у Аристотеля было разбором, у римлян стало порядком обучения.

Цицерон, лучший оратор республики, оставил и лучшие книги о ремесле — «Об ораторе», «Оратор». Его мысль: оратор должен знать всё, ибо говорит обо всём; и три задачи речи — *научить, усладить, тронуть*. Первое — доводом, второе — слогом, третье — чувством; и лучшая речь исполняет все три.

Квинтилиан, учитель риторики при Веспасиане, написал «Наставление оратору» в двенадцати книгах — полный курс от детской грамоты до седин. Ему принадлежит определение, ставшее школьным: оратор есть «*муж достойный, искусный в речи*»; кто не достоин, тот не оратор, сколь бы ни был искусен.

Пять дел оратора — римская схема, продержавшаяся до нашего времени: найти, что сказать; расположить; облечь в слова; запомнить; произнести. О ней глава девятая.

Чему это учит. У римлян риторика перестала быть ремеслом суда и стала воспитанием: через неё проходил всякий образованный человек до девятнадцатого века, и через неё же — Ломоносов, о чём следующая глава.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

У нас риторика пришла через церковную школу и была переустроена дважды: Ломоносовым — в науку, судебной реформой — в ремесло.

Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 года дал первую риторику на русском языке. Он разложил ремесло по римскому порядку — изобретение, украшение, расположение — и первым показал, что русский язык годен для речи учёной и торжественной не менее латыни.

Кошанский и гимназическая риторика девятнадцатого века превратили учение в упражнение: хрия, разбор, сочинение по образцу. Белинский над этим смеялся, и не всегда справедливо.

Судебная реформа 1864 года ввела гласный суд и присяжных — и русская речь впервые получила своё сицилийское положение: убеждать людей, решающих дело. Плевако, Спасович, Урусов, Андреевский составили школу; о ней глава тридцать первая.

Кони — обвинитель, судья и писатель — оставил разбор судебной речи, в котором главное: *оратор обязан истине прежде, чем победе*; речь, выигранная неправдой, есть поражение суда.

Урок линии: риторика у нас дважды становилась делом — в науке и в суде — и оба раза требовала не украшения, а честности устройства. Это и положено в основу второй части.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем риторика не является

Отсечём лишнее, ибо слово это и хулят, и хвалят не по делу.

Риторика не есть украшение. Фигуры и тропы суть четвёртая часть книги, а не вся; речь, в которой они заменили довод, не риторика, а её порча.

Она не есть обман. Уловки разобраны в книге об ошибках рассуждения как то, чего надлежит остерегаться; здесь они появляются лишь в главе двадцать четвёртой — чтобы узнавать.

Она не есть логика. Довод в речи вероятен, а не необходим: суд решает без достоверности, и оттого речь должна убеждать там, где доказательство невозможно.

Она не есть голос и жест. Произнесение есть пятое из пяти дел оратора; о нём отдельные книги о голосе и о жесте, и здесь оно лишь упомянуто.

И она не есть дар. Демосфен заикался и говорил с камешками во рту; Цицерон учился у греков в тридцать лет. Ремеслу учатся, о чём глава тридцать шестая.

Что же она есть? *Устройство речи, обращённой к решающему: части, доводы и приёмы, соединённые по мере предмета и слушающего.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТИ

Пять дел оратора и шесть частей речи:
вступление, изложение, положение, доказательство,
опровержение и заключение — и три рода речей

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пять дел оратора

✢

Римская школа разложила ремесло на пять дел, идущих по порядку; порядок этот есть порядок работы над всякой речью и доныне.

Изобретение — найти, что сказать: доводы, примеры, свидетельства. Здесь решается, есть ли речь вообще; о том, где искать, — третья часть.

Расположение — разложить найденное по частям: что первым, что последним. Об этом — настоящая часть.

Слог — облечь в слова: ясно, уместно, по мере украшенно. Четвёртая часть.

Память — удержать речь, чтобы говорить, а не читать. Древние строили для этого дома памяти, о коих книга об искусстве памяти.

Произнесение — голос и тело. Демосфен на вопрос, что в речи главное, трижды ответил: произнесение. О нём книги о голосе и о жесте.

Порядок нарушают чаще всего с конца: начинают со слов, не найдя доводов, и получают речь красивую и пустую. Правило школы: *не писать ни слова, покуда не найдено, что сказать, и не расположено, в каком порядке*. Речь пишется в последнюю очередь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вступление

✢

Вступление служит не предмету, а слушающему: оно должно сделать его *внимательным, благосклонным и понятливым* — так учили все, от Коракса до Кони.

Внимательным — показав, что дело важно, ново или касается его самого. Не «позвольте начать», а с первой фразы — о деле.

Благосклонным — к говорящему: здесь строится этос. Скромность без униженности; признание трудности дела; уважение к решающим. Не хвалить себя и не бранить противника: то и другое настораживает.

Понятливым — сказав, о чём пойдёт речь, коротко. Слушающий, не знающий, куда его ведут, не идёт.

Виды вступления. Прямое — когда слушающие расположены; окольное — когда предубеждены: тогда начинают не с дела, а с того, что ему предшествует, и подводят исподволь. Квинтилиан советовал окольное при дурной славе дела или говорящего.

Ошибки. Длинное вступление — слушающий устаёт до дела. Общее, годное для всякой речи, — не создаёт внимания. Обещающее более, чем даст речь. И вступление, писанное первым: его пишут *последним*, когда речь готова и известно, к чему готовить.

Правило Плевако: первая фраза должна быть такой, чтобы её нельзя было не дослушать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Изложение дела

✢

Изложение — рассказ о том, что произошло, — есть часть, которую слушающий принимает за беспристрастную, и оттого в ней решается более, чем в доказательстве.

Три требования древних: *кратко, ясно, правдоподобно*. Кратко — ничего сверх нужного для дела; ясно — в порядке времени, с именами и местами; правдоподобно — так, чтобы всякое событие вытекало из предыдущего и из характеров.

Сила изложения в отборе: что сказано, что опущено, что названо первым. Два честных изложения одного дела ведут к разным решениям, и обе стороны это знают. Отсюда правило слушающего: спрашивать, чего в рассказе нет.

Порядок. Обыкновенно — по времени; но иногда начинают с итога, если он поражает, или с середины, если начало скучно. Порядок выбирают по слушающему, а не по удобству рассказчика.

Тон — спокойный: изложение, в котором рассказчик негодует, перестаёт быть изложением и становится доводом, и слушающий это чувствует. Чувство приберегают для заключения.

Родство с книгой о наблюдении очевидно: изложение есть показание, и цена его та же — отбор, память, желание. Честный оратор помнит это о себе; осторожный слушающий — о нём.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Положение и разделение

✢

Между изложением и доказательством стоит короткая часть, которую пропускают чаще всего и которая решает, поймут ли речь.

Положение — то, что оратор берётся доказать, сказанное одной фразой. «Обвиняемый не был на месте». «Мост надлежит строить здесь». Речь без положения есть разговор; слушающий не знает, с чем соглашаться.

Разделение — перечень того, о чём пойдёт речь, по порядку: «докажу три вещи: первое, второе, третье». Оно даёт слушающему карту и позволяет следить; и оно связывает оратора: сказав «три», он обязан дать три.

Спорный пункт. Древние учили находить в деле *статус* — точку, вокруг которой спор: было ли; что именно было; как это назвать; по праву ли судят. Речь об одном статусе сильна; речь, блуждающая по всем, слаба. Найти статус — половина изобретения.

Ошибки. Положений несколько, и они спорят между собою. Положение расплывчато — «здесь много неясного». Разделение на семь частей — никто не удержит; три есть мера, четыре — предел.

Правило: *если положение нельзя сказать одной фразой, речи ещё нет*. Возвращаются к изобретению.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Доказательство

✢

Доказательство есть тело речи: здесь положение подтверждается доводами, и здесь риторика ближе всего к логике — и всё же не логика.

Доводы двух родов: *внешние* — свидетели, документы, законы, признания, — которые оратор не создаёт, а находит; и *внутренние* — те, что он строит из самого дела: пример, энтимема, общие места. О тех и других — третья часть.

Порядок доводов — предмет главы двадцать третьей; здесь довольно правила: *не все доводы равны, и слабый, поставленный рядом с сильным, ослабляет сильный*. Лучше три довода, чем семь.

Довод и его развитие. Довод, названный одной фразой, не действует; его надлежит развернуть: показать основание, привести пример, отвести возражение, вывести следствие. Школьная хрия и была упражнением в этом развороте.

Мера. Доказывать очевидное — оскорблять слушающего; доказывать спорное слишком кратко — не убедить. Мера определяется слушающим, а не оратором.

Переход. От довода к доводу — с оговоркой, что первый закончен: «это первое; теперь второе». Слушающий, потерявший счёт, теряет речь.

Заметим: доказательство убеждает *решающего*, а не противника; противник не убеждается никогда, и говорить надлежит не к нему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Опровержение

✢

Опровержение есть разбор доводов противной стороны; и первое правило его — противника надлежит *изложить честно*, прежде чем опровергать.

Отчего честно. Слушающий, знающий доводы противника, заметит искажение и перестанет верить всему прочему. И: опровергнутый в его слабом виде довод остаётся в его сильном.

Порядок. Опровержение ставят после доказательства, если своё сильнее чужого; перед ним — если слушающие полны чужими доводами и не услышат своих, покуда те не сняты.

Способы. Отвергнуть основание довода — факт неверен. Отвергнуть связь — факт верен, но из него не следует. Показать, что довод доказывает слишком много — и то, чего противник не хотел. Противопоставить более сильное. Признать — и показать, что дела это не меняет: признание обезоруживает.

Чего не делать. Не опровергать всего подряд: сильные чужие доводы — разбирать, слабые — упомянуть и оставить; разбор слабого делает его важным. Не переходить на лицо: об уловках — книга об ошибках рассуждения, и слушающий, читавший её, узнает уловку.

Правило Кони: *кто честно передал довод противника и опроверг его, тот выиграл дважды* — дело и доверие.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Заключение

✢

Заключение есть то, с чем слушающий уходит; помнится оно лучше всего, и на него древние отводили лучшие силы.

Две задачи. *Свести* — повторить положение и доводы кратко, в том же порядке, что в разделении: слушающий получает целое, которого не видел по частям. *Тронуть* — здесь и только здесь речь обращается к чувству прямо: к жалости, негодованию, надежде. Аристотель дозволял чувство в заключении и осуждал в изложении.

Порядок: сперва свести, потом тронуть; обратный порядок гасит чувство рассуждением.

Мера чувства — по роду речи: в суде — более, в собрании — менее, в учёном споре — ничего. И по слушающим: чувство, которое они не готовы разделить, вызывает стыд за говорящего.

Последняя фраза есть то, что запомнят. Она коротка, содержит положение и не начинается с «и в заключение». Речи Плевако кончались одной фразой, которую повторял весь город.

Ошибки. Несколько заключений подряд — слушающий встал и сел. Новый довод в заключении — он не развит и ослабляет. Извинения. И заключение, которое длиннее доказательства.

Правило: *заключение пишут сразу после положения* — когда известно, куда идти, известно и чем кончить.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Три рода речей

Аристотель различил три рода речей по тому, что решает слушающий; различие это определяет и части, и доводы, и меру чувства.

Судебная — о прошлом: было или не было, справедливо ли. Решает судья. Главное — изложение и доказательство; чувство — в заключении; статус — факт и его имя.

Совещательная — о будущем: делать или не делать, полезно ли. Решает собрание. Главное — довод от пользы и вреда, пример из прошлого; изложение кратко, ибо все знают дело; чувство — надежда и опасение.

Торжественная — о настоящем: хвала или хула. Решать ничего не надо; слушающий — зритель. Главное — слог и величие; доводы — общие места о достоинстве; чувство — восхищение. Отсюда надгробные речи, юбилеи и всё, что нынче зовут торжественной частью.

Смешение родов — обычная ошибка: судебная речь, произнесённая как торжественная, кажется пустой; торжественная с доказательствами — скучной; совещательная, застрявшая в прошлом, — сварливой.

Нынешние речи — в собрании, в учёном обществе, в торговле — суть те же три рода, и первый вопрос составляющего: *что решает слушающий — о прошлом, о будущем или ни о чём*. От ответа зависит всё дальнейшее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОВОДЫ

Пример и энтимема, общие места и свидетельство,
довод от лица и довод к чувству,
их мера и порядок — и как узнать довод ложный

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пример

✢

Пример есть довод от случая к случаю: так было там — так будет и здесь. Аристотель звал его риторической индукцией и ставил первым из двух внутренних доводов.

Виды. *Исторический* — из действительно бывшего: «так поступили афиняне, и вот что вышло». *Вымышленный* — притча, басня, придуманный случай: Эзопова лиса убеждает не хуже Фукидида, если слушающие согласны, что так бывает. *Сравнение* — из другой области: «так и врач не лечит больного против воли».

Сила примера — в наглядности: слушающий видит, а не выводит. Оттого он действует на собрание сильнее энтимемы; и оттого им злоупотребляют: один случай выдаётся за правило.

Правила. Пример должен быть *известен* слушающим или рассказан так, чтобы стал известен; *подобен* делу в том, что важно для вывода, а не в постороннем; и *не одинок*: два примера с одним исходом убеждают, один — лишь показывает.

Место. Пример после энтимемы — как подтверждение; пример перед нею — как подготовка. Один сильный пример в заключении помнится дольше всех доводов.

Об обратной стороне — о выводе из одного случая — сказано в книге об ошибках рассуждения; здесь довольно помнить, что *пример показывает возможность, а не необходимость*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Энтимема

✢

Энтимема есть рассуждение, в котором одна из посылок опущена, ибо слушающий и так её знает; Аристотель назвал её телом убеждения.

Устройство. Полный силлогизм: «все люди смертны; Сократ человек; стало быть, смертен». Энтимема: «Сократ смертен, ибо человек». Большая посылка не сказана — слушающий добавляет её сам и оттого *соглашается с собою*, а не с оратором.

Отчего убеждает. Своё домысленное держится крепче чужого сказанного. И: энтимема коротка, и слушающий не устаёт; полный силлогизм в речи звучит как урок.

Из чего строится. Опущенная посылка есть *общее мнение*: то, что слушающие считают верным — обыкновенно, вероятно, по большей части. Оратор должен знать общие мнения своих слушающих; те же слова перед другими не убеждают.

Пример. «Он не мог быть на месте: в тот час его видели в лавке». Опущено: человек не бывает в двух местах разом. Никто не спорит — и довод принят.

Опасность — та же, что сила: опущенную посылку не проверяют. «Он богат, стало быть, нечестен» опускает «богатые нечестны», и слушающий, не заметив, принимает. Об этом — глава двадцать четвёртая и вся книга об ошибках рассуждения. Правило слушающего: *восстанови опущенное и посмотри на него*.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Общие места

✢

Общими местами, или топами, древние звали *источники доводов*: вопросы, которые надлежит задать делу, чтобы найти, что о нём сказать.

Определение. Что это такое? Назвать вещь верно — уже довод: «это не заём, а дар». Спор об имени решает половину дел, о чём книга об имени.

Часть и целое. Что верно о целом, верно ли о части; из чего состоит; что за чем идёт.

Причина и следствие. Отчего произошло; что из этого выйдет. Довод от последствий — главный в совещательной речи.

Сравнение. Больше и меньше: «если это дозволено большому, тем более малому»; подобное и противное.

Обстоятельства. Кто, что, где, когда, чем, как, почему — семь вопросов, которые школа велела задавать всякому делу. Ответы суть изложение; несогласия между ними — доводы.

Как пользоваться. Взять дело и пройти по всем местам, записывая, что даёт каждое. Большинство даст ничего; два-три дадут доводы. Так находят, что сказать, там, где казалось, что сказать нечего.

Заметим, что «общее место» в нынешнем языке значит избитое; в старом же — место, откуда берут. Различие поучительно: то, откуда берут все, кажется избитым лишь тому, кто не умеет брать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Свидетельство и авторитет

✢

Внешние доводы оратор не создаёт, а находит; но найденное надлежит представить, и в представлении — ремесло.

Свидетель. Цена показания разобрана в книге о наблюдении: свидетель видит ожидаемое и помнит подсказанное. Оратор знает это и представляет своего свидетеля с тем, что делает его надёжным — близость, трезвость, отсутствие выгоды, — а чужого разбирает по тем же статьям.

Документ. Бумага сильнее слова, ибо не меняется; но и она читается: кем писана, когда, для чего, что в ней опущено. О чтении бумаг — книга о герменевтике.

Закон и обычай. Довод от установленного: «так положено». Сильнее прочих в суде, слабее в собрании, где закон и обсуждается.

Авторитет — мнение знающего. Довод законный, если знающий знает *этот* предмет и говорит о нём; и уловка, если знающий одно призван о другом. Врач о лекарстве — довод; врач о мосте — нет.

Признание противной стороны — сильнейшее из внешних: сказанное против себя принимается без проверки. Оттого его подделывают — вырывая из речи противника слова, — и оттого правило честности: *цитируй так, чтобы противник узнал свою мысль*.

Общее правило внешних доводов: они сильны, покуда представлены честно, и рушат всю речь, если одно свидетельство уличено в подделке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Довод от лица

✢

Этос есть лицо говорящего, каким его создаёт речь; Аристотель полагал, что это едва ли не самое сильное средство, и опыт не опроверг его.

Три черты, из которых складывается доверие: *разумность* — говорящий знает дело; *честность* — не выгадывает; *доброжелательность* — желает слушающим добра. Недостаток любой из трёх губит: умному корыстному не верят, честному глупому — тоже.

Как создаётся в речи. Разумность — точностью: имена, числа, порядок. Честность — признанием: слабого места своего дела, сильного — чужого. Доброжелательность — обращением: говорить о заботах слушающих, а не о своих.

Как разрушается. Самохвальством; бранью противника; уловкой, замеченной хоть раз; несогласием слов с известным о говорящем; и чрезмерным искусством: слишком гладкая речь настораживает.

Этос принесённый — слава, чин, седина — действует до первой фразы; далее работает только созданный. Известно много речей, в которых уважаемый человек за полчаса потерял уважение.

Правило Квинтилиана — «муж достойный» — имеет и ремесленный смысл: *изобразить честность труднее, чем быть честным*, ибо изображение требует помнить, что изображаешь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Довод к чувству

✢

Пафос есть состояние слушающего, и Аристотель отвёл ему половину второй книги, разобрав гнев, страх, стыд, жалость и их противоположности: отчего возникают, у кого и к кому.

Отчего это довод, а не уловка. Слушающий решает в состоянии, и состояние есть часть дела: жалость к пострадавшему уместна там, где решают о наказании; страх перед последствием — там, где решают о будущем. Чувство, вытекающее из дела, есть довод; чувство, привнесённое извне, — уловка. Различие это и есть граница с книгой о внушении.

Как возбуждается. Не призывом — «ужаснитесь!» — а изображением: подробность, имя, вещь. Не «он страдал», а что именно и сколько дней. Чувство приходит от увиденного, о чём книга о наблюдении, и оратор даёт увидеть.

Мера. Кратко и в конце: чувство длится минуты и не выносит повторения. Соразмерно делу: слеза по пустяку смешна. Соразмерно слушающим: собрание купцов и собрание вдов трогаются разным.

Своё чувство. Гораций: «если хочешь, чтобы я плакал, плачь сам». Верно наполовину: чувство говорящего заразительно, но избыток его вызывает неловкость. Древние советовали чувствовать и владеть собою.

Правило: *чувство должно вырастать из изложенного, а не заменять его.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мера и порядок доводов

✢

Найденные доводы не равны, и расположение их есть отдельное ремесло, называемое издревле Гомеровым порядком.

Гомеров порядок: сильнейшие в начале и в конце, слабые в середине — как Нестор ставил войско. Начало запоминается, ибо внимание свежо; конец — ибо последнее; середина проваливается. О свойстве этом — книга об искусстве памяти.

Число. Три довода — мера; два — мало, кажется, что более нет; пять — много, слушающий теряет счёт. Семь — предел, и то в письменной речи.

Слабый довод вредит: слушающий, отвергнув его, отвергает и соседей. Правило: *лучше опустить, чем ослабить*. Слабое отдают противнику — пусть он тратит на него время.

Нарастание. Внутри доказательства — от простого к сложному, от известного к спорному: слушающий, согласившийся трижды, соглашается в четвёртый легче.

Разнородность. Три довода одного рода суть один довод, повторённый; довод от факта, от последствия и от свидетеля подпирают друг друга.

> Довод, поставленный не на своё место,
> теряет половину силы;
> слабый довод отнимает силу у сильных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Довод ложный

✢

Ложным зовётся довод, имеющий вид довода без его силы; разбор их есть предмет книги об ошибках рассуждения, и здесь дан лишь мост к ней.

Откуда берутся. Из тех же мест, что и настоящие: из энтимемы — когда опущенная посылка неверна; из примера — когда он один или не подобен; из общих мест — когда имя подменено, причина спутана со следствием, часть выдана за целое; из авторитета — когда знающий призван не о своём; из чувства — когда оно привнесено.

Как узнавать в чужой речи. Восстановить опущенное. Спросить, подобен ли пример. Спросить, знает ли авторитет этот предмет. Спросить, вытекает ли чувство из дела. Спросить, отчего довод звучит так гладко.

Как не допускать в своей. Тем же способом; и правилом: *довод, который стыдно произнести при знающем, не произносится*.

Отчего честному нужно это знать. Ложный довод, замеченный в речи, губит этос целиком; выигранное им дело проигрывается при пересмотре; и слушающий, читавший книгу об ошибках, узнает его первым.

Шопенгауэрова «Эристика» — список уловок спора — разобрана там же. Здесь она упомянута как зеркало: всякая уловка есть испорченный довод, и знать, что испорчено, значит знать, что было целым.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПРИЁМЫ

Слог, фигуры и тропы, период и ритм,
вопрос и обращение, память и произнесение
и речь в суде, в собрании и в споре

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Слог: ясность и уместность

✢

Слог есть облечение найденного и расположенного в слова; и первое требование к нему не красота, а ясность.

Ясность. Аристотель: достоинство слога — быть ясным и не быть низким. Ясность даётся словами общими и точными, порядком слов естественным, предложениями короткими. Всё, что слушающий не понял с первого раза, потеряно: перечесть он не может.

Уместность. Слог соразмерен предмету, слушающим и говорящему: о великом — величаво, о простом — просто; перед учёными — точно, перед собранием — наглядно; юноша не говорит, как старец. Слог не по мере смешон, и смех губит речь.

Три слога древних: *простой* — для изложения и доказательства; *средний* — для услаждения; *высокий* — для заключения и для чувства. Одна речь проходит все три, и переход между ними есть ремесло.

Украшение — последнее и наименьшее: фигуры и тропы, о которых следующие главы, суть приправа, а не пища. Речь, в которой видно украшение, не украшена, а раскрашена.

Ошибки: слово учёное вместо общего; предложение, которого не выговорить на одном дыхании; слог высокий о низком; и слог, одинаковый от начала до конца.

Правило: *напиши, как сказал бы умному другу, и потом убери всё, что добавил для красоты*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Фигуры

✢

Фигурой зовётся устройство фразы, отступающее от обычного ради силы; в отличие от тропа, слова здесь в прямом значении, переменён лишь порядок.

Повтор. Одно слово в начале нескольких фраз — анафора: «Мы сделали то; мы сделали это; мы…» Слушающий ждёт следующего и получает; ожидание и есть сила. Повтор в конце — эпифора — реже и тяжелее.

Антитеза. Противопоставление: «не жить, чтобы есть, а есть, чтобы жить». Ум любит противоположности и запоминает их; и в антитезе довод кажется полным, хотя дано лишь два края.

Градация. Нарастание: «просил, требовал, угрожал». Три ступени — мера; каждая сильнее предыдущей; последняя — та, ради которой всё.

Умолчание. Оборванная фраза — слушающий договаривает сам, и договоренное им держится, как энтимема.

Перечисление и троица. Три члена — «пришёл, увидел, победил» — кажутся полнотой; два — недостатком; четыре — излишком.

Мера. Одна-две фигуры на речь — в местах, где нужна сила; фигура на каждой фразе делает речь стихами и лишает доверия. Горгий погубил свою славу именно этим.

Правило: *фигура должна быть замечена по действию, а не по устройству*; кто заметил устройство, тот перестал слушать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Тропы

✢

Тропом зовётся слово в переносном значении; и главный из тропов — метафора — есть, по Аристотелю, единственное, чему нельзя научиться у других: она признак дарования.

Метафора — перенос по сходству: «закат жизни». Сила её — в наглядности: отвлечённое становится видимым. Опасность — в том, что она доказывает, ничего не доказывая: «государство есть корабль» подсказывает, что нужен кормчий, и слушающий принимает вывод, не заметив, что принял сравнение. О метафоре как уловке — книга об ошибках рассуждения.

Сравнение — метафора с «как»: честнее, ибо видно, что сравнивают, и слабее по той же причине.

Метонимия — перенос по смежности: «читать Пушкина», «Кремль решил». Незаметна и оттого удобна: «Кремль решил» скрывает, кто.

Ирония — слово в обратном значении: «замечательный поступок». Действует на своих и озлобляет чужих; в суде опасна, в собрании — сильна, если собрание с тобою.

Гипербола — преувеличение; понятна как приём и не обманывает, покуда не принимается за меру.

Правила. Троп должен быть нов, но понятен; из области, известной слушающим; и не смешивать образов: «корабль государства пустил корни» — смех. И *не более одного тропа на мысль*: два образа заслоняют друг друга и предмет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Период и ритм

✢

Период есть фраза, устроенная так, что смысл её завершается лишь с последним словом; ритм есть то, отчего речь слушается телом прежде, чем умом.

Период. «Если бы я знал, что ты придёшь, — а знать я не мог, ибо ты не писал, — я бы ждал». Слушающий держит начало в уме до конца и получает завершение как разрешение; удовольствие это древние сравнивали с музыкальным. Период длинен, но должен помещаться в одно дыхание; иначе он не период, а путаница.

Отрывистая речь — короткие фразы подряд — противоположна периоду: она бьёт, а не ведёт. Уместна в опровержении и в заключении; периоды — в изложении и вступлении. Чередование того и другого и есть ритм речи.

Ритм слов. Древние заботились о концовках фраз — чтобы ударения ложились определённым образом; Цицерон считал это первым признаком мастера. В русской речи это слышно как «гладко» или «спотыкается»: фраза, кончающаяся на ударный слог, звучит твёрдо; на безударный — мягко.

Проверка одна: прочесть вслух. Что не выговаривается — не слушается. Об устройстве дыхания и пауз — книга о голосе; об устройстве ритма вообще — книга о музыке.

Правило: *речь пишется для уха, а не для глаза*; и потому переписывается после чтения вслух, а не после чтения про себя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вопрос и обращение

✢

Вопрос в речи не ждёт ответа; он заставляет слушающего ответить про себя — и тем делает его соучастником.

Риторический вопрос — утверждение в виде вопроса: «Разве можно было поступить иначе?» Сила его — в том, что слушающий отвечает сам, и ответ свой; слабость — в том, что ответ может быть и не тот: перед враждебными не спрашивают.

Вопрос и ответ — оратор спрашивает и сам отвечает: «Что он сделал? Он промолчал». Это разделение из главы двенадцатой, оживлённое; речь идёт шагами, и слушающий не теряет пути.

Вопрос к противнику — заочный: «пусть скажет, где он был». Опасен: противник ответит, и ответ может быть хорош.

Обращение — к слушающим по имени их положения: «судьи», «граждане», «отцы». Оно возвращает внимание, отмечает переход и напоминает слушающим, кто они и что решают. Не чаще двух-трёх раз на речь; обращение в каждой фразе есть заискивание.

Обращение к отсутствующему — к умершему, к отечеству, к богу — есть высший слог; в суде и собрании допустимо лишь в заключении и у того, кому верят.

Об устройстве вопроса вообще — отдельная книга; здесь довольно правила: *не задавай в речи вопроса, на который слушающий мог бы ответить против тебя*.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Память и произнесение

✢

Четвёртое и пятое дело оратора разобраны в отдельных книгах; здесь — лишь то, что связывает их с устройством речи.

Память. Речь, читаемая по бумаге, теряет этос: читающий не смотрит на слушающих и не видит, поняли ли. Древние держали речь целиком в памяти по домам и образам, о чём книга об искусстве памяти. Нынешняя мера — помнить *расположение*: положение, три довода, заключение, — а слова находить на месте. Кто помнит карту, тот не заблудится; кто заучил слова, тот пропадает, забыв одно.

Голос. Темп изложения ровен, доказательства — медленнее, заключения — свободен; пауза перед положением и перед последней фразой. Об устройстве — книга о голосе.

Тело. Квинтилиан отвёл жесту целую книгу; нынешняя мера скромнее: стоять устойчиво, руки видны, жест реже, чем хочется, и не выше плеча. Книга о жесте разбирает подробно.

Слушающие видны. Главное преимущество произносящего перед читающим: он видит, где поняли, где заскучали, где не согласны, — и меняет ход. Речь, произнесённая как написана, при слушающих, которые её не принимают, есть чтение вслух.

Правило: *речь произносят слушающим, а не залу*: выбрать двух-трёх и говорить им; остальные услышат.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Речь в суде

Суд есть природное место риторики, и русская судебная речь после 1864 года дала образцы, на которых учатся доныне.

Слушающий — присяжные или судья; первые решают по совести и впечатлению, второй — по закону и доказательству. Речь к ним различна: перед присяжными сильнее изложение и этос, перед судьёй — доказательство и закон.

Плевако славился заключениями в одну фразу и умением обратить дело: старушка, укравшая чайник, — и Россия, вынесшая татар и Наполеона, но не могущая вынести кражи чайника. Это довод от большего к меньшему, доведённый до смеха; смех оправдал.

Кони учил другому: обвинитель говорит спокойно, излагает полно, и *сам называет* то, что говорит в пользу подсудимого, — ибо истина суду дороже приговора. Речи его читаются как разбор, а не как бой.

Устройство судебной речи следует шести частям второй части точно: вступление к присяжным; изложение дела; спорный пункт; доказательства; разбор доводов противной стороны; заключение с обращением к совести.

Особенность: в суде две речи, и вторая знает первую. Отсюда опровержение — главная часть защитника, и правило: *не оставляй противнику довода, который не разобрал*.

Правило Кони, общее для всех: судебная речь есть не бой, а помощь суду; кто помнит это, тот говорит спокойно и слушается.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Речь в собрании и в споре

✢

Собрание решает о будущем, спор — ни о чём, ибо противник не убеждается; в этом различие двух положений, и от него зависит всё.

Собрание. Речь совещательная: о пользе и вреде, с примером из прошлого и доводом от последствий. Собрание нетерпеливо: изложение кратко, положение — сразу, доводов три. И собрание помнит говорящего: этос здесь копится от речи к речи, и одна уловка стоит года доверия.

Спор при слушающих — есть две речи к третьему: противника не убеждают, убеждают тех, кто слушает. Оттого: не отвечать на уловку уловкой — слушающие видят обе; называть уловку по имени, спокойно, и возвращаться к делу; и не давать противнику определять предмет спора — кто держит положение, тот держит спор.

Спор без слушающих — между двумя — не риторика, а беседа; в нём убеждает не речь, а вопрос, о чём отдельная книга.

Шопенгауэр в «Эристике» собрал тридцать восемь уловок спора; книга об ошибках рассуждения разбирает их как защиту. Для говорящего в собрании они — список того, чего не делать, ибо слушающие, знающие список, узнают.

Правило собрания, старое как афинская площадь: *говори последним, если можешь, и коротко, если не можешь.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНИЦА

Чего риторика не может, какие учения о ней мнимы,
как она соотносится с правдой,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего риторика не может

✢

Соберём пределы, ибо ремесло убеждать соблазняет думать, что убедить можно во всём и всякого.

Она не заменяет знания дела. Цицерон требовал от оратора знать всё; речь о предмете, которого говорящий не знает, узнаётся знающими за минуту.

Она не убеждает противника. Только решающего; спорящий с противником при слушающих тратит речь впустую, спорящий без слушающих — вдвойне.

Она не действует на предубеждённых дальше вступления. Кто пришёл с решением, того речь не переменит; переменяет его время и обстоятельство, о чём книга о внушении.

Она не заменяет доказательства там, где оно возможно. Где есть мера и опыт, речь неуместна; риторика — для вероятного, а не для достоверного.

Она не спасает дурного дела надолго: выигранное речью проигрывается при пересмотре, и этос говорящего уходит вместе с делом.

И она не безразлична к говорящему. Кто привык убеждать, тот убеждает и себя, и перестаёт отличать довод от приёма. Об этой опасности — глава тридцать пятая.

Кто знает эти пределы, тот не берётся за невозможное и оттого выигрывает возможное.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые учения

✢

Вокруг ремесла речи выросли учения, обещающие силу без устройства; все они повторяют немногие ошибки.

«Довод убеждает сам». Учёная ошибка: верное доказательство, произнесённое без лица и без чувства, перед собранием проигрывает пустой речи с лицом и чувством. Аристотель сказал это первым, и опыты подтверждают.

«Главное — подача». Ошибка торговая: приёмы без доводов держат внимание четверть часа и не оставляют ничего. Слушающий, вышедший с чувством и без положения, назавтра не помнит, за что был.

«Рассказ вместо довода». Нынешняя мода: всякую речь свести к истории. Пример — сильный довод, о чём глава семнадцатая; но один пример, не подкреплённый ни энтимемой, ни вторым примером, есть случай, а не основание.

«Тайные слова». Учения, обещающие обороты, действующие помимо сознания; о них книга о внушении. В речи перед решающими они узнаются и губят этос.

«Уверенность решает». Уверенность есть часть этоса, но не весь: уверенный и уличённый теряет более, чем робкий и точный.

Списки уловок как наставление. Шопенгауэр писал свой список для защиты; кто учится по нему нападать, тот учится тому, что все умеют распознавать.

Общая примета мнимого учения: оно обещает одно средство вместо трёх и приём вместо частей. Настоящее требует всего и в порядке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Риторика и правда

✢

Спор Платона с софистами не кончен: ремесло убеждать безразлично к правде, и что удерживает его от службы лжи?

Ответ Аристотеля: истина и справедливость по природе сильнее противного, и, если правое дело проигрывает, виноват тот, кто дурно его защищал. Риторика нужна правде, ибо у лжи она уже есть.

Ответ Квинтилиана: оратор есть муж достойный; ремесло, отделённое от достоинства, не есть ремесло оратора, а нечто иное.

Ответ Кони: оратор обязан истине прежде победы; речь, выигравшая неправдой, есть поражение суда, и говорящий это знает.

Ответ ремесла. Есть три отличия честной речи от нечестной, и все три — в устройстве. Довод честный *выдерживает восстановление* опущенной посылки. Изложение честное *не боится вопроса «чего здесь нет»*. Чувство честное *вытекает из дела*, а не привнесено. Кто устраивает речь по этим трём правилам, тот не может лгать, не нарушив устройства, — и слушающий, знающий устройство, заметит нарушение.

Опасность для говорящего — убедить себя. Речь, повторённая многократно, становится мнением, и оратор перестаёт видеть в ней приёмы. Средство — составлять речь и за противника: кто может честно сказать обе, тот знает, где правда.

> Риторика не делает речь правдивой;
> она делает ложь заметной
> для того, кто знает устройство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

✢

Речи учатся, как и всякому ремеслу, повторением по образцу; античная школа оставила лестницу упражнений, которая не устарела.

Пересказ. Басню или случай — кратко, ясно, в порядке; потом то же — с конца; потом — от лица другого участника. Упражнение в изложении.

Хрия. Взять изречение и развернуть по порядку: похвала сказавшему; изложение мысли; причина; противное; сравнение; пример; свидетельство; заключение. Восемь ступеней; упражнение в развороте довода из главы тринадцатой.

Опровержение и подтверждение. Одну и ту же историю сперва подтвердить как правдоподобную, потом опровергнуть как невозможную. Упражнение в двух речах — и в честности из главы тридцать пятой.

Общее место. Речь против порока или за добродетель, без лица, — заготовка, годная во многие речи.

Речь по образцу. Взять речь Кони или Цицерона, разобрать по частям, найти положение и доводы, потом составить свою на другое дело по той же карте.

Вслух и с записью. Всё — вслух, с записью голоса; слушать назавтра, отмечая, где непонятно и где скучно.

Демосфен учился у моря с камешками во рту; мера упражнения — не камешки, а ежедневность, о которой книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена говорящего

✢

Соберём ежедневные правила, охраняющие ремесло от порчи, а говорящего — от самообмана.

Ни слова, покуда не найдено, что сказать. Порядок пяти дел неизменен.

Положение одной фразой, прежде всего прочего; если не выходит — речи нет.

Три довода, разнородных, в Гомеровом порядке; слабые — вон.

Противника — честно, и его сильный довод — первым в опровержении.

Восстанови опущенное в своих энтимемах прежде, чем произносить.

Чувство — в конце и из дела; не призывом, а изображением.

Один троп на мысль, одна фигура на речь, и лишь там, где нужна сила.

Прочти вслух и вычеркни, на чём споткнулся.

Составь речь и за противника; если не можешь — ты ещё не знаешь дела.

Вступление — последним, заключение — сразу после положения.

Правила эти стары, и это их достоинство: слушающий не переменился со времён Коракса, и то, что убеждало его, убеждает.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила составляющего речь

✢

Соберём правила для того, кто строит речь, — ибо большинство провалов заложено в постройке, а не в произнесении.

Спроси, что решает слушающий: о прошлом, о будущем или ни о чём; и кто он.

Найди спорный пункт и говори о нём одном.

Пройди по общим местам и запиши, что даёт каждое.

Отбери три довода, разнородных и развёрнутых; слабые отдай противнику.

Расположи по шести частям и помни, что вступление служит слушающему, а заключение — памяти.

Изложи честно, кратко и в порядке; спроси себя, чего в изложении нет.

Создай лицо словами: точностью, признанием, обращением к их заботе.

Облеки просто; украшай там, где нужна сила, и не более.

Помни карту, а не слова.

И помни, что составляющий речь составляет её для людей, которые могут встать и уйти; всякое правило здесь есть правило о том, как этого не допустить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила слушающего речь

✢

И правила для того, к кому речь обращена, — то есть для всякого, кому предстоит решать по сказанному.

Найди положение. Если его нельзя сказать одной фразой — тебя не убеждают, а занимают.

Сосчитай доводы и отдели их от повторений и от приёмов.

Восстанови опущенное в каждом «ибо» и посмотри, согласен ли.

Спроси, чего нет в изложении, и кто рассказал бы иначе.

Проверь пример: подобен ли, один ли.

Проверь авторитет: о своём ли говорит.

Заметь, где пришло чувство, и вытекает ли оно из дела.

Отдели лицо от довода: нравится ли тебе говорящий — вопрос иной, чем прав ли он.

Не решай в заключении, когда чувство горячо; реши на следующий час, по записи положения и доводов.

И помни, что речь построена для тебя людьми, знающими, как ты слушаешь; знать это же самому — единственная защита, и её достаточно.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: речь и мера

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Риторика есть *устройство речи, обращённой к решающему*. Убеждают три средства — довод, лицо и чувство, — и речь на одном из них либо суха, либо пуста, либо обманна. Строится она в пять дел — найти, расположить, облечь, запомнить, произнести — и в шесть частей, от вступления до заключения, порядок которых определён не оратором, а слушающим.

Доводы берутся из примера и энтимемы, из общих мест и свидетельств; лучших — три, в Гомеровом порядке, и слабый вредит. Приёмы — слог, фигура, троп, период — суть приправа, и мера их — незаметность. Речь в суде помогает суду, речь в собрании обращена к будущему, речь в споре — к третьему.

Границы её — знание дела, предубеждение, достоверность и правда. Честная речь отличается от нечестной устройством: она выдерживает восстановление опущенного, вопрос «чего нет» и проверку чувства делом.

И последнее. *Речь не делает дело правым; она делает правое дело слышимым* — и ложное заметным для того, кто знает, как она устроена. На этом стоит и ремесло, и мера.

РИТОРИКА

Части, доводы и приёмы

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм